

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

1795—1995

ЧАСТЬ II

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В 27 томе Собрания сочинений публикуется вторая часть исследования «Двести лет вместе» (впервые: М.: Русский мир, 2002), посвященная русско-еврейским отношениям «в советское время». Решительно отвергая миф о совершенной евреями революции, автор анализирует участие евреев в событиях 1917 года и Гражданской войне (в том числе в рядах Белого движения). «Еврейский вопрос» в СССР рассматривается в тесной связи как с общей судьбой европейского еврейства в XX веке и Катастрофой, так и с трагедией России, оказавшейся под властью коммунистов: извилистый процесс ассимиляции евреев в 1920—1930-х гг. и его следствия (в том числе рост низового антисемитизма); судьба российского еврейства в первой эмиграции; евреи как жертвы и участники коммунистического террора («В лагерях Гулага»); евреи «в войну с Германией». Подробно рассмотрен послевоенный поворот Сталина к политике государственного антисемитизма. В главах 22—26 прослеживаются перипетии русско-еврейских отношений второй половины 1950-х — начала 1980-х годов, исход евреев из России, начавшийся после Семидневной войны (1967). В заключение автор размышляет о сложностях и парадоксах еврейской ассимиляции, символично завершая книгу цитатой из опубликованного в Израиле (1981) «Письма из России»: «Я верю, что неспроста это получилось на путях России — этот контакт души иудейской и души славянской, что было тут какое-то предназначение».

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

ДВЕСТИ ЛЕТ ВМЕСТЕ

ЧАСТЬ II
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

В УЯСНЕНИИ

Всякое рассмотрение значительной роли евреев в жизни стран и народов их рассеяния — как вот и наша книга — неизбежно останавливается перед вопросом: «кто есть еврей?», «кого считать евреем?». Пока евреи жили среди других народов обособленными анклавами — не было повода для такого вопроса. Но по мере ассимиляции или просто всё более широкого включения евреев в окружающую жизнь — вопрос стал возникать и интенсивно обсуждаться, и более всего — евреями же. Естественно, что и в послереволюционной России — вплоть до открытия еврейской эмиграции, да и позже, — ответы менялись и менялись, и уже поэтому попытка их обзора может быть бесполезна. И тут, как ни удивительно, мы от первого шага сталкиваемся с большим разноречием и спорами — и нельзя не поразиться пестроте и разнообразию взглядов.

Дореволюционная Еврейская Энциклопедия в статье «Еврей» не даёт никакого определения. Она лишь указывает, что «термин еврей для обозначения израильтянина в противоположность египтянину встречается уже в древнейших частях Пятикнижия», и приводит конкурирующие гипотезы об этимологии этого слова¹. Современная же Еврейская Энциклопедия обходится таким определением: «Лицо, принадлежащее к еврейскому народу»².

Но, как видно, не многие удовольствовались этим определением. «Кого считать евреем? кто — еврей?», и ещё так: «что такое еврейскость?» — это для самих евреев сегодня не простой вопрос. Вот русско-еврейские авторы пишут о понятии «еврейский»: «Ни в Израиле, ни за границей среди самих евреев нет никакого согласия относительно содержания этого понятия. Чем ближе к нему приближается новичок, тем расплывчатее становится для него этот неуловимый образ»³; «через 74 года после российской революции и 43 года после возрождения государства Израиль попытка определения еврея — почти головоломная задача»⁴.

Однако она никогда не была сложна для евреев религиозных. Определение ортодоксальных раввинов: «Еврей — это тот, кто рождён от матери-еврейки или обращён в еврейство согласно Галахе»⁵. (Галаха — религиозная регламентация жизни евреев: «совокупность законов, содержащихся в Торе, Талмуде и в более поздней раввинистической литературе»⁶.)

«Что нам давало и сейчас даёт силу жить и в чём значение этой жизни? *И то и другое лежит в области религии*»⁷. — Артур Кестлер писал: «Отличительной чертой еврея... является не его принадлежность к той или иной расе, культуре или языку, а религия»⁸. — Да и сегодня в израильском журнале: «Еврейская национальная полнота возможна только в религиозном образе жизни»⁹.

Но уже и в античном мире можно было наблюдать не столько религиозный, сколько национальный импульс к общности. С.Я. Лурье приводит пример «эссенян». То была «еврейская секта, видевшая спасение не в национальном, а в индивидуальном самоусовершенствовании. Эссеняне были “слугами мира”», и местные властители, уважая их взгляды, не привлекали их к военной службе. «Тем не менее, когда опасность стала угрожать главному центру мирового еврейства, они, несмотря на то что относились скептически к святости храма и жертв, несмотря на свой резкий принципиальный антимилитаризм, идут добровольцами в ряды сражающихся евреев... Национально-патриотическая закваска была в них так сильна, что оказалась сильнее убеждений, составлявших дело их жизни»¹⁰.

Да и в XIX веке высказывалось мнение, что «евреи предшествуют иудаизму», «мы должны постоянно расширять наше понимание “еврейскости”», «вырваться из ограничений галахического иудаизма в более широкий мир»¹¹.

А уж в секулярный XX век религиозное понимание не могло не пошатнуться и не расплыться дальше. В размышлении (послереволюционном) Г. Слиозберга религиозный мотив отеснен: «В чём критерий еврейской национальности? Именно в еврействе и заключалась национальная сущность в течение тысячелетий. Она — в непрерывной цепи особой еврейской культуры, в единой духовной сущности всех евреев во всех странах»¹².

Уже в середине XX века предупреждала Ханна Арендт: «Иудаизм вырождается в еврейство, мировоззрение — в набор психологических черт»¹³. Почти то же отмечает израильский писатель Амос Оз: «Сработала трагическая склонность к подмене иудаизма неким душевным состоянием, которое во всём мире называется “идишкайт”... — это всего лишь один из отростков иудаизма, одна веточка, один побег»¹⁴.

Во второй половине XX века один из авторитетнейших евреев-интеллектуалов говорил: «Я уважаю религиозные убеждения... но... настаиваю, что еврейство не обязательно

связано с религией, что, говоря об еврействе, мы имеем в виду нечто иное. Какое именно “иное”, крайне трудно определить. Некие общие ценности? Несомненно. Общая история? Несомненно. Общие признаки личности? Несомненно»¹⁵.

А в 1958 «Высший суд справедливости Израиля», разбирая одно конкретное дело, вынес решение — со ссылкой на раввинистическую литературу: «в глазах Галахи, еврей, перешедший в другую веру, тем не менее остаётся евреем... Еврей не перестаёт быть евреем, даже нарушая еврейский Закон»¹⁶. — Для еврея «переход... в иную веру в сущности невозможен»¹⁷.

Не раз упоминающийся в этой книге видный меньшевик Соломон Шварц заявляет о себе (1966), что он «светский, нерелигиозный еврей», но: «я глубоко ощущаю своё еврейство, и никому не дано отлучить меня от него. И что гораздо важнее: таких светских, не-религиозных евреев сотни тысяч, может быть, миллионы... Их много и среди так называемых Американцев еврейской религии, для значительной части которых принадлежность к еврейской религии сводится к простому ритуализму»¹⁸.

Тем увереннее секулярные суждения произносятся сегодня: «Нельзя... однозначно и прямолинейно связывать роль и намерения современного еврейства, разобщённого и не имеющего ни универсального... подхода к вере, ни единой светской культуры, ни общей идеологии, с преданием о завоевании праотцами Земли Обетованной, с их моралью трёхтысячелетней давности»¹⁹.

И правда — ушли далеко. Сегодня «ортодоксальные евреи составляют лишь небольшую часть мирового еврейства»²⁰.

Ныне говорится как о само собой понятном: «Решение еврейской проблемы, *то есть* проблемы сохранения евреев как этнической общности»²¹ (курсив мой. — А.С.).

Однако понятие *этнической общности* имеет тенденцию огрубляться в *общность по крови*. В «Книге о русском еврействе» так уже и пишется запросто: «Николай Метнер (в жилах которого текла еврейская кровь)»²². — Краткая Еврейская Энциклопедия при отборе своего именного состава уверенно включает и тех евреев, кто перешёл в христианство; или, как Илья Мечников, сын гвардейского офицера, помещика, «о еврейском происхождении матери узнал сравнительно поздно»²³ — но уже достаточно оснований для

включения его в Энциклопедию. Отбираются даже те, кто всю жизнь был далёк от еврейского сознания, — так, значит, определение еврейства ведётся уже *по крови*? — а не по духу?

Ю. Карабчиевский справедливо возмущался, что: «в зарубежных списках всяких там почётных и знаменитых евреев встречал имя Бориса Пастернака. Ну какой он еврей?.. Он сам евреем себя не чувствовал и даже не раз активно отталкивался от явно его раздражавшей еврейской общности»²⁴. — И действительно так. А глубинная подлинность его евангельских стихов — не оставляет вопросов о прибежище его духа.

С 1994 стала выходить и в России — «Российская Еврейская Энциклопедия». Началась она как раз с биографических томов, то есть отбора лиц. И сразу же, во вступлении, объяснено: «Евреями считаются люди, родители или один из родителей которых был еврейского происхождения, независимо от его вероисповедания»²⁵.

Вот и в международной спортивной израильской «маккабиаде» — «участвовать могут только евреи»²⁶, — надо понять, что и тут — по крови?

Тогда зачем же так страстно и грозно укорять всех вокруг «счёте по крови»? Надо же отнестись зряче и к национализму собственному.

Например, Луис Брандейс, лидер сионизма в Америке и член Верховного Суда Соединённых Штатов с 1916, говорил: когда по какой-либо причине «страдают люди еврейской крови, наше к ним сочувствие и помощь идут инстинктивно, в какой бы стране они ни жили, и не спрашивая об оттенках их веры или неверия»²⁷. Амос Оз ещё добавляет: «Быть евреем означает чувствовать: где бы ни преследовали и мучили еврея, — это преследуют и мучают тебя»²⁸. (И вот это чувство и вызволяет евреев из скольких бед! Эх, и нам бы так!..) Этой внутренней связи еврейства, взаимной выручке и спаянности евреев немало, нередко удивлялись многие авторы и во многих странах, и в самые разные века. В том числе, конечно, и русские. С. Булгаков: у евреев «особая органическая сплочённость, которая не свойственна в такой мере никакому другому народу», «национальный дух и сплочённость еврейства остаются неразложимы и неодолимы никакими силами национального соперничества и антагонизма других народов»²⁹.

Однако не были бы евреи евреями, если бы их понятия и объяснения сводились к такой однозначной простоте. Нет,

соображения тут — многоветвисты.

Вот — опять Амос Оз: «“Что это значит — быть евреем в современном — последняя треть 20-го века — секуляризованном обществе?” Если это — не “синагога”... то что же это? А если это не *только* “синагога”, то что же это тогда?»³⁰ — «В моём словаре еврей — это тот, кто считает себя евреем или обречён быть евреем. Еврей — это тот, кто соглашается быть евреем. Если он соглашается на это открыто, он еврей по выбору. Если он признаётся в этом только себе, он еврей по принуждению или под давлением обстоятельств. Если он не признаёт никакой связи между собой и еврейством, он... не еврей, хотя бы даже религиозные правила определяли его как такового... Быть евреем означает участвовать в еврейском настоящем... в деяниях и достижениях евреев как евреев; и разделять ответственность за несправедливость, содеянную евреями как евреями (ответственность — не вину!)»³¹.

Вот такой подход мне кажется наиболее верным: принадлежность к народу определяется по *духу и сознанию*. Считаю так и я.

А вот И. Бикерман вообще отказывался дать определение еврейскости: «Ни один народ, тем более ни один культурный народ не может быть исчерпан одной формулой»³².

Сходного мнения и Н. Бердяев: «Поистине нация не поддаётся никаким рациональным определениям... Бытие нации не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни религией, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя все эти признаки более или менее существенны для национального бытия. Наиболее правы те, которые определяют нацию как единство исторической судьбы... Но единство исторической судьбы и есть иррациональная тайна... Еврейский народ глубоко чувствует это таинственное единство исторической судьбы»³³. — Это поражает и М. Гершензона: «Последовательность еврейской истории изумительна. Кажется, будто какая-то личная воля осуществляет здесь дальновидный план, цель которого нам неизвестна»³⁴.

Однако это — расплывчато. Практическое определение искать приходится, и его ищут. — «В диаспоре, где евреи рассеяны, подвижны и изменчивы... единственный способ» — считать евреями тех, «которые сами считают себя евреями»³⁵. — «Нам представляется наиболее верным считать евреями только тех, кто был евреем не только по

происхождению, но и считался таковым в его собственном окружении»³⁶. — «Еврей — это тот человек, которого другие люди считают евреем, — вот простая истина, из которой надо исходить»³⁷. — Но не так проста эта истина. Ведь массовое восприятие евреев «туземными» народами сколь часто окрашено было ещё и отчуждением. И кто это восприятие улавливает — выводит не без горечи: «Еврей — это не национальность, а социальная роль. Роль Чужака. Не такого, как все»³⁸.

Но жить среди чужих народов — ещё значит и жить в чужих государствах. — «В этом сущность еврейского вопроса», — выделял Бикерман жирным шрифтом: «как мы можем перестать быть чужими в государствах, где мы живём и жить будем в будущем? Не чтобы окружающие не видели в нас чужих, а по существу ими не быть... Этот “еврейский вопрос” не к другим предъявляет требования, а к нам самим»³⁹. — Григорий Ландау: «пусть мы зависим от окружающих нас народов», но «в некоторой степени мы сами создаём свою судьбу, и своими деяниями и состоянием предопределяем отношение к нам окружающих... Неслагаемая с себя задача — познать себя, свои силы и слабости, свои ошибки и грехи, свои беды и болезни. В этом... обязанность перед нашим народом и перед его будущим»⁴⁰.

Прямо напротив тому полагал их современник, выдающийся и многими чтимый публицист Жаботинский: «Для людей моего лагеря суть дела совершенно не в том, как относятся к евреям остальные народности. Если бы нас любили, обожали, звали в объятия, мы бы так же непреклонно требовали “размежевания”». И ещё он же: «Мы такие, как есть, для себя хороши, иными не будем и быть не хотим»⁴¹.

И Бен-Гурион, вспоминают, однажды как бы «всему свету указал: “Важно, что делают евреи, а не что говорят об этом гои”»⁴².

Бердяев давал этому чувству евреев такое объяснение: «Потеря нацией своего государства, своей самостоятельности и суверенности есть великое несчастье, тяжёлая болезнь, калечащая душу нации. То, что еврейский народ... совсем лишился государства и жил скитальцем в мире, изломало и искалечило душу еврейского народа. У него накопилось недоброе чувство против всех народов, живущих в собственных государствах», и склонность его к

интернационализму «есть лишь обратная сторона его болезненного национализма»⁴³.

Владимир Соловьёв писал: «Доведенный до крайнего напряжения, национализм губит впавший в него народ, делая его врагом человечества, которое всегда окажется сильнее отдельного народа». Это высказано им в предупреждение националистам русским, но, хотя и глубоко расположенный к евреям, он в этой связи признаёт: «Утверждение своей исключительной миссии, обоготворение своей народности есть точка зрения древне-иудейская»⁴⁴.

А вот размышления современного иерусалимского раввина Адина Штейнзальца. Евреи постоянно находятся под воздействием двух движущих сил. Одна — «это наша поразительная способность видоизменяться, приспособливаться, становиться похожими на людей, среди которых мы живём... Способность... впитывать окружающую культуру... Наша адаптация — это внутреннее преобразование. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, его чаяний, его образа жизни и мыслей. Мы не просто обезьянничаем, а становимся частью этого народа», — и даже, перехлёстывает он: «мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя». А оттого «у других народов складывается ощущение, что евреи не только берут их деньги, но изощрённо похищают у них душу и таким образом становятся их национальными поэтами, драматургами, художниками, а через некоторое время — устами и мозгом их народа»⁴⁵.

Да, евреи, удивительно сочетая в себе племенную верность и универсализм, талантливо перенимают культуру окружающих народов. Но в этой высокой адаптации, когда современные интеллигентные евреи отождествляют себя с мировой культурой как со своим духовным отечеством, — не следует упускать, что такая круговая адаптация почти никогда уже не имеет возможности погрузиться в самую глубину традиции и истории корневой народной жизни. Отменная талантливость евреев — вне сомнений. Но вот и такое важное соображение высказал Норман Подгорец, многолетний редактор американского еврейского консервативного журнала «Комментари» (в изложении М. Вартбурга): «Евреи в чужих культурах всегда “стояли на плечах” коренных народов, освободив благодаря этому свой интеллект от экономических, военных, политических и прочих “обычных” забот, которыми занята любая нормальная

нация и которые отвлекают столь значительную часть её собственного коллективного гения»⁴⁶.

Штейнзальц продолжает рассуждение о двух движущих силах. Первая создаёт из евреев «людей, обладающих исключительной способностью к выживанию в самых разных условиях». Однако непрерывно действует и другая сила: «У нас в душе постоянно звучит властный зов», противоположный приспособлению, «в нас есть какое-то ядро» неизменяемое — и именно поэтому евреи никогда не растворяются до конца в окружающих народах. Евреи — это народ, «который можно разорвать на куски, но эти куски останутся живыми и вырастут снова». И вот, евреи «гибче, податливее, чем что бы то ни было на свете. И в то же время мы твёрже, чем сталь». И «эти характерные черты так глубоко в нас заложены, что мы не можем просто взять и отбросить их по своей воле»⁴⁷.

Ведь даже и родился еврейский народ «в бездомном скитании, в Синайской пустыне. Он... тайно знал себя неоседлым... Бездомность ему врождена»; «через всю историю еврейского рассеяния проходит странная антиномия: чем более еврейство дробится физически, тем более оно внутренне спланивается»⁴⁸.

В конце-то концов, евреи и выжили не в своей стране, а в диаспоре. В рассеянии и «создали специфическую культурную, религиозную и общественную жизнь, которую мы называем еврейской цивилизацией»⁴⁹. — «Многие общества гибли и гибнут при потере одной только государственности», — а «еврейство как общественная система явило собой яркий пример поразительной выживаемости и способности возрождаться после испепеляющих катастроф... Еврейство создало совершенно новую основу для общности... духовное единство»⁵⁰.

Да, несомненно — так.

А вот — оценка еврейской общности чисто интуитивная. Г. Слиозберг описывает впечатления профессора Германа Когена, основателя Марбургской философской школы, приехавшего в Петербург в 1914, от его встречи со здешними евреями: «Такого собрания, проникнутого истинно еврейским духом, нельзя было устроить нигде в мире, где находятся евреи, кроме как в России, и именно в С. Петербурге». Однако затем и в «литовском Иерусалиме» — «ему трудно было оторваться от этой чисто еврейской атмосферы, которая окружала его в Вильне»⁵¹.

Это впечатление — убеждает полной верностью, его можно понять и почувствовать.

Но — что это именно? Вот Амос Оз, полвека спустя: «Достаточно лишь мимолётного взгляда, чтобы убедиться, что все эти люди — евреи. Не спрашивайте меня, что такое еврей. Сразу видно, что ты в окружении евреев... И это — волшебство. Это — вызов, это — великое чудо»⁵².

Этот «вызов», это «чудо» ощущал и М. Гершензон, написавший ещё в годы российской революции: «Еврейский народ может без остатка расплыться в мире... но дух еврейства от этого только окрепнет». И: «Кто есть еврей? В ком действует народная воля еврейства. Как это узнать? Этого нельзя узнать... Еврейское царство — не от мира сего»⁵³.

Мистически видел проблему и Достоевский: «Не настали ещё *все времена и сроки*, несмотря на протекшие сорок веков, и окончательное слово человечества об этом великом племени ещё впереди»⁵⁴.

Не сказать, чтоб ото всего выслушанного здесь стало нам чётко-ясно, но какие определения нам дали — на тех и остановимся.

Однако как не отметить тут же: именно о евреях, которым посвящена эта книга, выносить *общенациональные* суждения наиболее затруднительно. Вероятно, нет на Земле нации более дифференцированной, более разбросной по характерам и типам. Редко какой народ являет собой такой богатый спектр типов, характеров и мнений, от светлейших умов человечества до тёмных дельцов. И какое бы правило вы ни составили о евреях, какую бы суммарную характеристику вы ни попытались бы им дать, — тотчас же вам справедливо представят самые яркие и убедительные исключения из того.

Идея богоизбранности еврейского народа столь всеизвестна из Ветхого Завета, что не нуждается ни в каком повторном изложении. Множество еврейских учёных ортодоксов и просто верующих — и посегодня ведомы этой идеей.

Да без религиозной основы разве возможно истолковать несравненную стойкость евреев в рассеянии?

Правда, и тут мнения двоятся. Перец Смоленский, прародитель палестинофильского движения в России, считал: «не благодаря религии сохранилось еврейство — она сама

является лишь продуктом национального стремления к самосохранению»⁵⁵. — И современный израильский учёный спрашивает: как же понять эту избранность? «Кто кого создал: Тора евреев или евреи — Тору?»; «Тора сохранила евреев. Но другой народ не сохранил бы Торы — с её 613-ю заповедями, со сложнейшим ритуалом»⁵⁶.

А православный богослов, историк Церкви А.В. Карташев писал в 1937: «Еврейство есть великая мировая нация. Для этого утверждения богослову и историку достаточно одного факта дарования миру Библии и порождения трёх мировых монотеистических религий. Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций»⁵⁷.

Бердяев: «Еврейский вопрос... это ось, вокруг которой вращается религиозная история. Таинственна историческая судьба евреев... Ни один народ в мире не пережил бы столь долгого рассеяния и Наверное потерял бы своё лицо и растворился бы среди других народов. Но по неисповедимым путям Божиим народ этот должен сохраниться до конца времён. Менее всего, конечно, можно было бы объяснить историческую судьбу еврейства с точки зрения материалистического понимания истории»⁵⁸.

«Нерастворимость евреев... для [С.] Булгакова — признак того, что избранничество Божие почиет на еврействе, даже не принявшем Христа»⁵⁹; сам же Булгаков писал, что «с духовными судьбами Израйля таинственно и непреложно связаны и судьбы христианского мира»⁶⁰.

Что Бог избрал для своего человеческого воплощения и, во всяком случае, для исходной проповеди именно эту нацию и уже потому она *избранная* — этого не может отрицать христианин. «Распни, распни Его!» — то было всеобычное неизбежное ожесточение всякой тёмной фанатичной толпы против своего светлого пророка, — мы же всегда помним: Христос пришёл почему-то к евреям, хотя рядом были ясноумые эллины, а подальше и всевластные римляне.

Эту загадку религиозной избранности — как не признать.

Вот апостол Павел, в одном из порывов: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по

плоти, то есть Израильтян», — однако «не все те Израильтяне, которые от Израиля», «не плотские дети суть дети Божии; но дети обетования» (Рим. 9 : 3, 4, 6, 8).

Сознание особой предназначенности, исторической избранности помогло евреям сохранно пережить безпримерно долгое рассеяние. Но это же ощущение избранности и ссорило евреев с окружающими народами. Многовековое ожидание Мессии, а с ним и всеземного торжества, конечно же диктовало евреям гордость, но и отчуждённость от других народов. «Основную роль сыграло в этом чувство своего духовного первородства, которое испытывали евреи, где бы они ни жили и какие бы обычаи ни перенимали»⁶¹.

А насколько бы смиреннее: все народы — дети одного Бога, и зачем-то каждый народ нужен.

Крупный израильский историк, специалист по иудейской мистике Гершон Шалом предупреждал: для евреев «светскость невозможна», «если евреи попытаются себя объяснить только из истории, они должны будут прийти к самоликвидации, к полному краху, ибо в этом случае исчезнет всякий импульс к их существованию как нации»⁶².

Однако, как бывает в геологических процессах, когда одна порода вымывается и заменяется другою, но с большим подобием сохранения форм предыдущей (псевдоморфоз), — так в секулярные века и у самих евреев идея богоизбранности неизбежно должна была подмениться идеей — просто исторической и человеческой уникальности.

С которой тоже не поспоришь.

Уникальность еврейского народа несомненна, все её видят. Носами евреи осмысливают и переживают её по-разному.

Ищется даже «психологическая защита от ужаса своей уникальности»⁶³. — «Ни один другой народ не прошёл такую школу страдания... ни один другой народ не знал того напряжения души в беде, тот ужас при мысли о неизбежной гибели»⁶⁴. — «Евреи составляют исключение только в одном смысле: они избраны миром для дискриминации»⁶⁵. — «Часть [евреев]... не прочь избавиться от своей уникальности»⁶⁶.

В широком же объёме еврейского сознания уникальность своего народа воспринимается не как бедствие, а как гордость. «Быть евреем по-прежнему больше честь, чем проклятие»⁶⁷. — «Люди не хотят отдавать это ощущение... выделенности, не хотят “обменивать” его на что-либо иное...

Отдать свою отмеченность — значит что-то серьёзное и ценное потерять»⁶⁸. — «Наша аномалия как государства, как народа и как движения... поступиться ли величию и страданиями, связанными с этой аномалией, или, наоборот, зная её цену, всячески укреплять её?»; «мы имеем дело с особым рода сущностью, которую не только никакой топор не вырубит, но не способна объяснить никакая историческая или философская теория»⁶⁹. — «Хотим мы этого или не хотим, наши успехи и поражения, а также наши грехи и заслуги имеют всемирно-исторический характер и всемирно-историческое значение... Борьба за будущее евреев есть также и борьба за тот или иной образ всего остального мира»⁷⁰. — «Особость, не имеющая себе аналога в мировой истории» — это то, что евреи смогли совместить в себе национальное и универсальное начала, это «народ — сугубо национальный и космополитический — в одно и то же время»; «противоречивое единство этих двух начал (самоутверждение и ассимиляция) представляет собой высший закон еврейской жизни»⁷¹. — «Наше самосознание было в целом и космополитическим, и элитарным»⁷².

А глядя в наступающее человеческое будущее — сочетание в себе и национального, и универсального — может быть, самое необходимое (и победное) качество для новых столетий. Можно только пожелать его и нам, русским, и всем народам.

Но ощущение уникальности может придать сознанию и опрометчивый уклон.

Самому стремлению любого народа иметь идеал высший, прозревать предназначение высшее, чем только своё физическое существование, — не может быть упрёка, это стремление возвышает всякий народ в область Духа. Пусть не мессианство по прямому Божьему поручению, но — поиск и ощущение какой-то и своей особой миссии. Однако: что в ней искать?

Если бы вот так, как думают иные израильтяне (Натан Щаранский): избранность «приемлема только в одном плане — как повышенная моральная ответственность»⁷³. Или, за 60 лет до него: «Не может безответственность... быть надёжной основой для нашей, еврейской жизни, жизни маленького народа, развеянного по миру... Легко ли это или нет, но мы должны сделать все усилия, чтобы познать себя и понять других»⁷⁴.

В 1939 году, перед самой гранью Второй войны, — редакция еврейского (на идише) сборника «На перепутье» поставила нескольким европейским интеллектуалам вопрос: «Следует ли евреям активно участвовать в общей политической жизни, не должны ли они ограничиться одной лишь еврейской политикой?»⁷⁵

На этот вопрос известный писатель Стефан Цвейг, космополит и ассимилированный австрийский еврей, ответил так. Не участвовать в политической жизни мы, как и никто, уже не можем. Вопрос надо исправить: «следует ли нам стремиться к *ведущему положению* в политической и общественной жизни». Мы уже никак не можем отбросить «наше интернациональное, наднациональное отношение к общечеловеческим вопросам». Однако «считаю не менее опасным... чтобы евреи выступали *лидерами* какого бы то ни было политического или общественного движения... При наличии равных с другими прав евреи имеют далеко не равную со всеми ответственность», а «во сто тысяч раз» большую. «*Служить* — пожалуйста, но лишь во втором, в пятом, в десятом ряду и ни в коем случае не в первом, не на видном месте. [Еврей] обязан жертвовать своим честолюбием в интересах всего еврейского народа». (Здесь — поучителен урок о моральной связи и каждого еврея с судьбой своего народа.) «Нашей величайшей обязанностью является самоограничение не только в политической жизни, но и во всех прочих областях... Единственная польза, единственный смысл, которые можно извлечь из трагического урока, выпавшего на долю евреев, — это их внутреннее воспитание. Лишь тогда... наши невиданные страдания имели бы хоть какой-то смысл, если бы они побудили еврея совершать не шумные, а по-настоящему великие дела»⁷⁶.

Какие высокие, замечательные, золотые слова, — и для евреев, и для неевреев, для всех людей. Самоограничение — от чего оно не лечит! Но в том-то и мучительная нить, что именно самоограничение — трудней всего и даётся вообще людям.

Макс Брод, убеждённый сионист и, казалось бы, полный оппонент Цвейгу, — ответил почти буквально то же: «Очень опасно для евреев вмешиваться в политическую жизнь других народов... Такое участие нас непременно раздавит и уничтожит». Еврей «должен ограничивать себя, воздерживаться... Воздержаться, но не отходить в сторону! Воздержаться — это значит: не стремиться к лидерству или к наградам в чужой политике, но действовать с сознанием

ответственности, открыто, ясно, отнюдь не тайно, за кулисами»⁷⁷.

И это последнее добавление — опять-таки превосходно. (И опять же, честно сказать: и всем людям, и евреям, — как бывает трудно следовать ему.)

И в сегодняшнем Израиле мудро мыслящие евреи отчётливо говорят: «Наше вмешательство в дела других народов всегда оборачивалось плохо и для этих народов, и для еврейского народа»⁷⁸. — Мы «много раз в современной истории... обнаруживали несправедливость в основаниях существующих обществ, а наша безответственность, как меньшинства, способствовала созданию новых, гораздо худших». Мы были «потомственные подаватели советов»⁷⁹.

А вот, после советских десятилетий строго оглядываясь, пишет современный еврейский автор из диаспоры: «Конечно, эта история [евреев] была, как и у других народов, не только история благочестивых, но и безсовестных, не только беззащитных и ведомых на смерть, но и вооружённых, несущих смерть, не только преследуемых, но и преследующих. Есть в этой истории страницы, которые без содрогания нельзя открыть. И как раз эти страницы систематически и намеренно вытеснялись из сознания евреев»⁸⁰.

По заключению Э. Ренана, удел народа Израиля отначала был: стать *бродилом* для всего мира. Эта мысль, согласно или полемически, повторяется и у наших современников: «Мы стали бродильным началом среди неевреев, в среде которых мы жили»⁸¹. — «...Дескать, избранность еврейского народа в том и состоит, чтобы вечно жить в рассеянии. “Мы дрожи... наша задача — сбраживать чужое тесто”»⁸².

И по многим историческим примерам, и по общему живому ощущению, надо признать: это — очень верно схвачено. Ещё современнее скажем: катализатор. Катализатора в химической реакции и не должно присутствовать много, а действует он на всю массу вещества.

К этому следует добавить не только несомненную подвижность ума, еврейское «доверие к разуму и ощущение, что конструктивными усилиями можно решить все проблемы»⁸³, но и — острую чуткость к струям времени. Чутче евреев, я думаю, нет народа во всём человечестве, во всей истории. Ещё только первые молекулы тления испускает государственный или общественный организм — уже евреи от него откидываются, хотя были бы доселе привержены,

уже — отrekliсь от него. И едва только где пробился первый росток от будущего могучего ствола — уже евреи видят его, хвалят, пророчат, выстраивают ему защиту. — «Такое свойство темперамента, при котором евреи всегда оказываются на стороне “самых передовых” идей... очень уж для нас, евреев, характерно»⁸⁴.

Предпринятый тут обзор мнений даёт нам до некоторой степени объемлющее сознание, с которым мы вступаем в дальнейшее чтение.

ЧАСТЬ II

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.